

Н. М. ТЕРЕЩЕНКО (Ленинград)

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ САМОДИЙСКИХ ЯЗЫКОВ В СССР

Самодийские языки изучены неравномерно. Наиболее исследованным продолжает оставаться ненецкий язык, особенно его тундровое наречие, чему есть достаточные основания — ведь это язык наиболее крупной самодийской народности, занимающей по численности первое место среди малых народов Крайнего Севера; она расселена на обширных пространствах тундры и лесотундры, захватывая частично зону тайги. 80,4% населения считает ненецкий родным языком. В рамках национальной автономии первым на Советском Севере был образован Ненецкий национальный округ Архангельской области, годом позднее — еще два ненецких округа — Ямало-Ненецкий национальный округ Тюменской области и Долгано-Ненецкий (ныне Таймырский) национальный округ Красноярского края.

На ненецком языке ранее, чем на языках других народов Севера, была создана письменность, в настоящее время успешно развивающаяся в ареале проживания ненецкого тундрового населения. Издается и регулярно переиздается учебная литература для первых четырех классов. Авторским коллективом создается учебник для 5—6-х классов. При этом ведущее положение в развитии письменности принадлежит представителям ненецкой народности. Публикуются оригинальные произведения ненецких писателей и поэтов. Во всех трех округах ведутся радиопередачи на ненецком языке. В Ямало-Ненецком округе, где живет около двух третей ненцев, на ненецком языке выходит окружная газета «Нярьяна *нэ́рм*» («Красный Север»). Довольно значительны кадры национальной интеллигенции — учителей, врачей, инженеров, партийных, советских работников. Имеются кандидаты наук, члены Союза советских писателей, заслуженный работник культуры. И хотя для создания литературного ненецкого языка нет соответствующих предпосылок, некоторые шаги в этом направлении все же сделаны.

Научно-практическая работа по созданию и развитию письменности, формированию национальных ненецких кадров с самого начала осуществлялась на основе развернутых научных исследований. Деятельность в этом направлении, начатая в советское время Г. Н. Прокофьевым, продолжается его учениками, учениками его учеников. Имеющиеся публикации и научные разработки дают основание считать, что ненецкий язык изучен довольно полно, в том числе и лексикографически. Освещены основные характерные особенности его во всех аспектах (морфология, синтаксис, лексика, фонетика, диалектология). Так, уже в работе «Материалы и исследования по языку ненцев» (Терещенко 1956) дан ряд очерков по фонетике, морфологии, синтаксису (о гортанных смычных звуках, формы выражения грамматического числа, родительный падеж, строение глагольных основ, категория переходности и непереходности, союзы и союзные слова, способы выражения качественного определения), диалектологии (общие сведения о наречиях и говорах ненецкого языка, отличительные особенности ямальского говора), представлены образцы фольклорных и бытовых текстов. В книге, предназначенной для самостоятельно изучающих ненецкий язык (Терещенко 1959), сформулированы отличительные особенности его по сравнению с русским

в области фонетики, лексики, грамматики. Наиболее полный из изданных словарей (Терещенко 1965) содержит около 22 тысяч слов. Естественно, не включая в себя всего богатства лексики ненецкого языка, словарь все же дает довольно ясное представление о его лексическом своеобразии, процессе развития основных значений в переносные, довольно широко представляет фразеологию и идиоматику. Опыт работы над словарем обобщен в докторской диссертации (Терещенко 1967). Ряд статей посвящен вопросам синтаксиса. Защищены кандидатские диссертации по лексике канинцего говора (Бармиц 1969), об основных средствах выражения временных и пространственных отношений (Перфильева 1975).

Однако по сравнению с изученностью тундрового наречия отставало изучение лесного (или таежного) наречия. Не была опубликована в свое время и кандидатская диссертация Г. Д. Вербова «Диалект лесных нёнцев» — первое систематическое описание языка этой довольно обособленной небольшой группы (около 2 тысяч), постоянно населяющей область тайги. 70-е годы характеризуются изданием значительных по объему работ и по лесному наречию. Издана диссертация Г. Д. Вербова (1973). Вышла в свет монография, освещающая фонетические особенности лесного наречия по сравнению с отличительными чертами тундрового наречия (Попова 1978а), опубликован ненецко-русский словарь лесного наречия, того же автора, включающий около 2 тысяч слов (Попова 1978б). Тем самым научно-исследовательская работа по обоим наречиям ненецкого языка стала равномернее.

Несколько иначе обстояло дело с изучением языка второй по численности самодийской народности — селькупов. По данным последней переписи населения, селькупов насчитывается 3600, из них считают родным языком селькупский 56,6%. Селькупский язык подразделяется на наречия: северное (тазовское) и южные (нарымское и кетское). До Великой Отечественной войны была введена письменность и на селькупском языке, но учебная литература, создаваемая на основе северного наречия, встретила затруднение при обслуживании южных групп селькупов. Сейчас селькупский язык практически является бесписьменным. Предпринимаются усилия по изданию букваря для северных селькупов. Единого самоназвания селькупы не имеют. Этноним *селькупы*, хотя и принят как официальное наименование всей народности, является самоназванием лишь одной группы населения Верхнего Таза — *söl qur* 'таежный человек'.

Основы для успешного изучения северного (тазовского) наречия селькупского языка были заложены еще в 30-е годы — в 1935 году была издана систематическая грамматика этого наречия (Прокофьев 1935). Книга включала в себя большое историко-этнографическое введение, очерк фонетики, подробное описание морфологии, краткий очерк синтаксиса, образцы фольклорных текстов и словарь к ним с грамматическим разбором. До последнего времени этот труд оставался единственным. Только в 1980 году издательством Московского университета опубликован коллективный труд (Кузнецова, Хелимский, Грушкіна 1980). Работа является продолжением исследований Г. Н. Прокофьева, вносит некоторые уточнения с позиций структурно-прикладной лингвистики, отмечает изменения, происшедшие в языке тазовских селькупов более чем за полувековой период. Там же готовится к печати словарь селькупского языка.

По южным наречиям языка селькупов в течение ряда лет проводилась большая собирательская работа под руководством А. П. Дульзона. В Томске и Новосибирске издан ряд статей по отдельным более или менее частным вопросам морфологии и фонетики этих наречий, защищены кандидатские диссертации по фонетике (Морев 1973), по грамматике (Воеводина 1974; Алиткина 1979). Имеется учебное пособие с подробными сведениями о селькупах и фонетическом строе их языка (Кузьмина 1974), выпущена в свет монография, посвященная падежной системе языка южных селькупов (Беккер 1978). Есть основание надеяться, что планомерная научно-исследовательская работа по изучению этих наречий в дальнейшем будет проводиться более интенсивно. В частности, ожидается своей очереди систематическое описание всех сторон морфологической и фонетической структуры южных наречий, составление на основе имеющейся картотеки селькупско-русского и русско-селькупского словарей.

Нганасаны и энцы чрезвычайно малочисленны. Нганасанов зарегистрировано 900 человек. Из них нганасанским как родным владеет 90,2%. Расселены они в северных районах Таймырского полуострова. Нганасаны, хотя и подразделяются на две группы: авамские и вадеевские (или хатангские), объединены самоназванием *йа* и говорят на одном языке. Нганасанский язык является бесписьменным. В этой связи заслуживает внимания стремление со стороны части нганасанской молодежи создать письменность на родном языке.

Энцы в последних переписях населения СССР вообще не указаны. По данным этнографов и по нашим материалам, их немногим больше 400 (по сведениям Б. О. Долгих, в XVIII в. энцев было свыше трех тысяч). При переписи некоторые из энцев были отнесены к ненцам, а часть причислила себя к нганасанам. Значительное число энцев многоязычно. Почти все они говорят по-русски, многие — и по-ненецки, «слушают» речь долган, частично эвенков; часть воронцовских энцев понимает язык нганасанов. Несмотря на такую малочисленность народности, в ее языке исторически сложились два довольно сильно отличающихся друг от друга наречия: бай (лесные энцы) и маду, или мадду (тундровые энцы). Первая группа расселена на территории Потаповского сельсовета Дудинского района Таймырского автономного округа, вторая — в Воронцовском сельсовете Усть-Енисейского района того же округа. Язык энцев племени бай тяготеет к ненецкому, язык энцев племени маду — к нганасанскому. Единого самоназвания энцы не имеют.

Еще совсем недавно нганасанский и энецкий языки не без основания считались малонисследованными. Кроме соответствующих разделов в трудах М. А. Кастрена (Castrén 1854; 1855) и кратких по условиям издания очерков этих языков Г. Н. Прокофьева (Языки и письменность народов Севера 1937), долгое время ничего не издавалось. Объясняется это ограниченным числом исследователей самодийских языков в первые послевоенные годы, когда на фронтах Великой Отечественной войны и в блокированном Ленинграде погибли ведущие кадры самоедологов, утратой собранных в предвоенные годы лингвистических и фольклорных материалов, малочисленностью носителей нганасанского и энецкого языков, труднодоступными и в те годы местами их расселения.

Начиная с 60-х годов деятельность по изучению нганасанского и энецкого языков заметно оживилась. В сравнительных и сопоставительных исследованиях приводились данные по этим языкам. Опубликован ряд статей, освещающих различные явления языков нганасанов и энцев. В энциклопедическом издании «Языки народов СССР» (1966) в разделе «Самодийские языки» представлены соответствующие статьи: «Нганасанский язык», «Энецкий язык». Характерные синтаксические особенности обоих языков изложены в работе по синтаксису (Терещенко 1973). Защищены две кандидатские диссертации: по нганасанскому языку (Большдт 1974), по энецкому (Сорокина 1975). В фонетической лаборатории Сибирского отделения АН СССР начато экспериментальное изучение фонетики, результатом чего стала защита трех кандидатских диссертаций — по фонетике энецкого языка (Глухий 1978; Сусеков 1978), по фонетике нганасанского языка (Столярова 1980).

Более широкое и последовательное использование материалов нганасанского языка стало возможным после выхода в свет монографии по этому языку (Терещенко 1979). Построенная на языковых данных, полученных в обоих районах расселения нганасанов (Дудинском и Хатангском), она может стать основой дальнейших исследований в этой области. То же можно сказать и о подготовляемой к изданию монографии «Энецкий язык» (Сорокина). Собираются материалы для нганасанско-русского и подготавливается картотека энецко-русского словарей. Тем самым можно считать, что изучение нганасанского и энецкого языков ведется в более крупном масштабе и языки эти перестают быть белыми пятнами в уральском языкознании.

Широкое научное освещение получают сведения по камасинскому языку, последнему еще в какой-то степени сохранявшемуся до сравнительно недавнего прошлого самодийскому языку Саянского нагорья. В результате обобщения полученных во время поездок в Сибирь материалов и данных, имеющихся в архивах Хельсинкского университета, изданы две монографии (Künnap 1971; 1978). В СССР им опубликован

ряд статей и камасинских текстов (Кюннап 1976; Кӱппар 1972; 1974; 1976а; b и др.)¹.

Большие возможности для публикации статей и обмена научной информацией открыты перед самоедологами, как и перед другими уралолистами, основание журнала «Советское финно-угроведение» (СФУ). Помощь в этом деле оказывают сборники научных статей, издаваемые в Томске педагогическим институтом, и «Ученые записки» Тартуского государственного университета «Fennougristica».

Работа по сравнительному изучению самодийских языков была начата еще в предвоенные годы Г. Н. Прокофьевым, продолжена Н. М. Терещенко и И. П. Сорокиной (самая крупная из работ — «Синтаксис самодийских языков» Н. М. Терещенко). Установлены наиболее характерные звуковые соответствия в области согласных и наиболее устойчивые соответствия в области гласных первого слога. Сделаны первые попытки сравнительного изучения самодийских языков в лексическом и синтаксическом плане. Предпринимались сравнительные штудии энецкого языка с ненецким, в частности в области лексики. Отмечались особенности, либо сближающие эти языки, либо специфические для каждого из них. Сравнительно-историческим исследованиям посвящен ряд статей А. Кюннапа (Кюннап 1982; Кӱппар 1980; 1981 и др.). В них реконструируются древние формы и делается попытка проследить происхождение некоторых именных и глагольных категорий. Сравнительно-исторический анализ первичные словоизменительных суффиксов самодийских языков составил сущность защищенной им диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук (Кюннап 1974).

Из сказанного можно сделать вывод, что изучение самодийских языков проводилось в определенном направлении в соответствии с выработанными планами. Полученные выводы с достаточной очевидностью обосновывают несомненное родство всех самодийских языков и изложены в ряде работ (например, Терещенко 1976). В то же время эти выводы наглядно свидетельствуют о том, что комплексный критерий, охватывающий разные стороны структуры самодийских языков (прежде всего морфологию и лексику), указывает на значительную близость между собой ненецкого, энецкого, нганасанского языков и большую отдаленность от них селькупского. Тем самым подтверждается правильность выделения в современных самодийских языках двух группировок (северносамодийские языки и селькупский язык). Специфические явления в языке селькупов дали основание Е. Д. Прокофьевой обратить особое внимание на те черты, которые не наблюдаются в других языках этой семьи, и подчеркнуть элементы, сближающие селькупский с древнетюркским и угорскими языками (Языки народов СССР 1966). Вполне вероятно, что значительные отличия селькупского от северносамодийских языков являются результатом не только более раннего обособления и спонтанного развития, но и следствием интенсивного иноязычного влияния. Однако вряд ли стоит преувеличивать различия между указанными группами языков. Общность морфологической структуры, свойственная всем самодийским языкам, в ряде случаев сопровождается материальной близостью словоизменительных и словообразовательных формантов, что особенно важно в генетическом плане. Отмечаются закономерные звуковые соответствия. Сходство лексического состава наблюдается преимущественно в тех разделах словаря, которые относятся к наиболее характерным слоям лексики, — для подтверждения родства языков это имеет немаловажное значение. В итоге все самодийские языки близки между собой. Вместе с тем между ними имеются довольно существенные различия, в соответствии с которыми отдельные языки то сближаются, то противопоставляются друг другу. На основании имеющихся материалов напрашивается вывод, что дольше других сохраняли исконные связи нганасанский и энецкий, обособившиеся друг от друга значительно позднее, чем от ненецкого. Характерно при этом, что в силу особенностей исторического развития уже в близкие к нам времена произошло вторичное сближение энецкого языка с ненецким, выявляющееся особенно отчетливо в наречии лесных энцев (бай).

Отмечая более широкое развертывание изучения самодийских языков за последние

¹ Говоря о степени изученности самодийских языков, следует иметь в виду, что еще не изданы довольно обширные лексические и фольклорные материалы. К сожалению, возможности публикации значительно отстают от темпов собирательской работы.

два десятилетия, необходимо указать, что остается еще много нерешенных вопросов. Актуальна теоретическая разработка проблем грамматики. В южных наречиях селькупского языка не изучена морфология глагола. Нуждается в дальнейшем исследовании ряд грамматических категорий глагола и в других самодийских языках. Отсутствует единый взгляд на категорию падежа. Слабо изучено словообразование в энецком, нганасанском, в южных наречиях селькупского языка. Ждут своего решения проблемы исторической морфологии. Неотложной задачей является изучение вопросов диалектологии, непосредственно связанной с определением общественных функций языков самодийских народностей.

Недостаточно развернута лексикографическая работа. Нужны в первую очередь национально-русские словари по селькупскому, энецкому², нганасанскому языкам и, как их завершение, сравнительный словарь самодийских языков, который следовало бы составить коллективными усилиями ряда специалистов. Лексикографическая работа теснейшим образом связана с лексикологической. Ожидает своего изучения лексический состав энецкого, нганасанского, южных наречий селькупского языка.

Необходима квалифицированная запись и публикация произведений устного народного творчества всех самодийских народностей (до самого последнего времени фольклорные сборники изданы только на языке ненцев). Без углубленного сравнительного изучения самодийских языков невозможна широкая постановка проблем сравнительно-исторической уралистики. Для этого необходимо детальное изучение фонетики всех самодийских языков, сделано же в этом направлении еще не так много. Окончательный ответ на вопрос о месте самодийских языков в уральской языковой семье тесно связан с изучением языков других групп — не только финно-угорских, но и палеоазиатских, эскимосских, тунгусо-маньчжурских. В целях лучшего преподавания родного языка следует проводить сопоставительное изучение ненецкого языка с русским, увязывая и в дальнейшем задачи собственно научного исследования с научно-практическими задачами по развитию письменности.

Вместе с тем результаты изучения самодийских языков позволяют поставить перед самоедологами широкую задачу по фундаментальному морфологическому исследованию всех языков этой группы, включая и фактически мертвый камасинский. Задача эта формулируется как сопоставительное изучение самодийских языков. Являясь впервые осуществляемой попыткой широкой постановки этого вопроса, выдвигаемая тема представляется достаточно актуальной. Еще несколько лет тому назад в самоедологии не существовало реальных предпосылок для осуществления такого рода сопоставительных трудов. В настоящее время постановка этой темы стала возможной в итоге значительной собирательской и исследовательской работы, проведенной группой советских самоедологов.

Работа в виде серии исследований планируется коллективом самоедологов с центром в Секторе палеоазиатских и самодийских языков ЛО Института языкознания АН СССР. По предварительным наброскам серия будет состоять из следующих частей: фонетического введения, дающего представление об особенностях фонетического строя самодийских языков, развернутого обоснования темы и двух основных разделов. Первый раздел «Категория существительного в самодийских языках» имеет следующие подразделы: общие сведения, словообразование, словоизменение. Последний подраздел, естественно, будет наиболее развернутым. В него войдут такие составные элементы, как категория грамматического числа, категория падежа, категория посессивности, именные предикативные формы. Второй раздел формулируется «Некоторые сведения из области генезиса существительного в самодийских языках». В нем будут даны отдельные фрагменты, дающие представление об образовании некоторых форм существительных и о взглядах, существующих по этому вопросу.

В процессе разработки проблемы предполагается в известной мере учитывать не только имеющиеся данные по истории уральских языков, но и последствия взаимодействия самодийских языков с такими неродственными языками, как палеоазиат-

² В этой связи нельзя не отметить недавнего выхода в Гамбурге составленного на основании изданных в СССР работ энецко-немецкого словаря (Katzschmann, Pusztay 1978). Опубликование его — немаловажное событие в самоедологии и в уралистике в целом.

ские, эскимосские, тунгусо-маньчжурские. Выявление былых связей с этими языками должно способствовать выяснению вопроса о происхождении современных самодийцев и путях их миграции. В настоящее время имеется ряд гипотез о происхождении самодийских народностей, ни одна из которых не получила общего признания. Характерно, однако, что при всем многообразии концепций в отношении продвижения самодийских племен с Саян на северо-запад, как определенном этапе их миграции, разногласий по существу не возникает. Нужно отметить, что после Г. Н. Прокофьева, уделявшего исключительно большое внимание выявлению такого рода связей, лингвистический аспект проблемы почти не затрагивался. Между тем языковые данные имеют в этом отношении немаловажное значение.

ЛИТЕРАТУРА

- Алиткина Л. А. 1979, Имя прилагательное в селькупском языке. Канд. дисс., Ленинград.
- Бармич М. Я. 1969, Лексика канинского говора ненецкого языка. Канд. дисс., Ленинград.
- Беккер Э. Г. 1978, Категория падежа в селькупском языке, Томск.
- Большдт Е. П. 1974, Образование имени прилагательного в нганасанском языке. Канд. дисс., Новосибирск.
- Вербов Г. Д. 1973, Диалект лесных ненцев. — Самодийский сборник. Сборник научных трудов, Новосибирск.
- Воеводина Н. М. 1974, Аналитические глагольные конструкции в селькупском языке (деепричастие + вспомогательный глагол). Канд. дисс., Новосибирск.
- Глухий Я. А. 1978, Консонантизм энецкого языка. Канд. дисс., Ленинград.
- Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В. 1980, Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Том I, издательство Московского университета.
- Кюннар А. Ю. 1974, Склонение и спряжение в самодийских языках (Сравнительно-исторический анализ первичных словоизменительных суффиксов). Докт. дисс., Тарту.
- 1976, Об элементе *-j(-)* в камасинских глагольных формах. — Происхождение абorigенов Сибири и их языков, Томск, 112—114.
- 1982, Основные источники вторичных окончаний локальных падежей в самодийских языках. — СФУ XVIII, 194—200.
- Морев Ю. А. 1973, Звуковой строй средне-обского (ласкинского) говора селькупского языка. Канд. дисс., Новосибирск.
- Перфильева Т. Г. 1975, Выражение временных и пространственных отношений средствами ненецкого языка. Канд. дисс., Новосибирск.
- Попова Я. Н. 1978а, Фонетические особенности лесного наречия ненецкого языка, Москва.
- 1978б, Ненецко-русский словарь. Лесное наречие, Szeged.
- Прокофьев Г. Н. 1935, Селькупская (остяко-самоедская) грамматика, Ленинград.
- Сорокина И. П. 1975, Морфология энецкого глагола. Канд. дисс., Ленинград.
- Столярова А. К. 1980, Консонантизм нганасанского языка. Канд. дисс., Ленинград.
- Сусеков В. А. 1978, Вокализм энецкого языка. Канд. дисс., Ленинград.
- Терещенко Н. М. 1956, Материалы и исследования по языку ненцев, Ленинград.
- 1959, В помощь самостоятельно изучающим ненецкий язык (Опыт сопоставительной грамматики ненецкого и русского языков), Ленинград.
- 1965, Ненецко-русский словарь, Москва.
- 1967, Вопросы лексики ненецкого языка и принципы построения двуязычных словарей языков разных систем с различной письменной традицией. Докт. дисс., Ленинград.
- 1973, Синтаксис самодийских языков. Простое предложение, Ленинград.
- 1976, Обоснование исконного родства языков самодийской группы. — Языки и топонимия, Томск.
- 1979, Нганасанский язык, Ленинград.
- Языки и письменность народов Севера I, Москва — Ленинград 1937.
- Языки народов СССР III. Финно-угорские и самодийские языки, Москва 1966.
- Castren, M. A. 1854, Grammatik der samojedischen Sprachen, St. Petersburg.
- 1855, Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen, St. Petersburg.
- Katzschmann, M., Pusztay, J. 1978, Jenissej-Samojedisches (Enzisches) Wörterverzeichnis, Hamburg.
- Künnap, A. 1971, System und Ursprung der kamassischen Flexionssuffixe I. Numeruszeichen und Nominalflexion, Helsinki (MSFOu 147).
- 1972, Kamassi keele kändelõpud. — ESA 18, 215—234.

- 1974, Kamassi keele *n*-genitiivist. — Tõid eesti filoloogia alalt IV, Tartu, 127—129.
- 1976a, Kamassilaisia tekstejä I. — Fenno-ugristica 2, Tartu, 116—134.
- 1976b, Kamassilaisia tekstejä II. — Fenno-ugristica 3, Tartu, 128—136.
- 1978, System und Ursprung der kamassischen Flexionsuffixe II. Verballflexion und Verbalnomina, Helsinki (MSFOu 164).
- 1980, Über die Herkunft der Infinitivsuffixe im Samojedischen. — СФУ XVI, 286—293.
- 1981, Zur Geschichte des Lativs und des Plurals im Samojedischen. — СФУ XVII, 110—118.

Robert Hinderling, Die deutsch-estnischen Lehnwortbeziehungen im Rahmen einer europäischen Lehnwortgeographie, Wiesbaden, Otto Harrassowitz, 1981. XIV + 258 S.

Die Erforschung der deutsch-estnischen Lehnbeziehungen hat eine solide Tradition. Durch diese Tradition haben sich größtenteils die obligatorischen Nachschlagewerke, die Darlegungsschemata und die kultursoziologischen Schlußfolgerungen herausgebildet und gefestigt. Deshalb wird einem Versuch, die Problematik der deutsch-estnischen Lehnbeziehungen von neuen, modernen, vorurteilsfreien und selbständigen Standpunkten aus zu betrachten, besonderes Interesse entgegengebracht. Um einen Forscher mit diesen Ansichten handelt es sich bei R. Hinderling, dessen Interesse für die estnische Sprache schon im früher herausgegebenen und für die Linguisten sehr notwendigen «Rückläufigen Wörterbuch des Estnischen» seinen sichtbaren Ausdruck gefunden hat.

Neben der Analyse des konkreten Lehnmaterials ist eines der Ziele des Buches von Hinderling seine Vision zur Methodik und Theorie der Erforschung der Lehnbeziehungen, darunter eine kontrastive Behandlung der strukturellen Besonderheiten der lehnehmenden (d. h. estnischen) und lehngabenden (d. h. deutschen) Sprache vorzustellen. Diese Themen sind im Buch tiefgründiger als in irgendeiner früheren den deutsch-estnischen Lehnbeziehungen gewidmeten Forschung behandelt worden. Außer zu diesen Problemen äußert R. Hinderling seine Ansichten auch zu allgemeineren Fragen der Sprachtheorie die mit der Entlehnung verbunden sind. In der folgenden Besprechung stehen vor allem diese Probleme des Buches im Mittelpunkt. Den Kapiteln zu den Entlehnungen und Etymologien wurde schon in den Ausführungen von P. Ariste (s. KK 1982 3) Beachtung geschenkt.

Die Forschungsarbeit von R. Hinderling ist in mancherlei Hinsicht ansprechend.

In erster Linie gehört zu seiner Methodik die Einordnung der Lehnbeziehungen in breitere Umrahmung. Die Bewegung der Lehnwörter und die Einflußrichtungen der Abendlandkultur werden im gesamteuropäischen Maßstab betrachtet und einige semantisch-lexikalische Gruppen deutscher Entlehnungen — Gefäßbezeichnungen und entlehnte Adjektive — werden in der estnischen, lettischen und den skandinavischen (meistens schwedischen) Sprachen vergleichend analysiert (5. und 6. Kapitel). Ein solches Ausmaß vermögen nur wenige Sprachforscher zu bewältigen. Dieser Abschnitt enthält neue Richtlinien, die niemand unbeachtet lassen kann. Eine Schlußfolgerung der tiefgründigen und vorurteilsfreien Abhandlung ist die neutrale Einschätzung des Anteils der deutschen Sprache als Vermittler: so wie die deutsche Sprache in die einheitliche europäische Kultur unter dem starken Einfluß des Lateinischen und Französischen eingegliedert wurde, so ist nach der Ansicht von R. Hinderling nur natürlich, daß die deutsche Sprache diese kulturelle Strömung nach Skandinavien, ins Baltikum und nach Osteuropa weitervermittelt hat. Daraus ergibt sich kein Überlegenheitskomplex, das ist einfach die einzig mögliche Verbreitungsrichtung der Abendlandkultur. Dem Geist des Buches entspricht gut das Leitmotiv von G. v. Herder: «Von selbst hat sich kein Volk zur Kultur erhoben.»

Die Arbeit enthält auch einen kurzen Überblick zur Geschichte der Esten, der im allgemeinen als gelungen bezeichnet werden kann. Es seien dennoch einige schwer erklärbare Fehler angemerkt. Z. B. ist auf S. 21 das Gouvernement Estland als Fürsten- oder Herzogtum bezeichnet worden. Kaum stichhaltig kann auch sein, daß man in bezug auf die Jahrzehnte der